

ГОРОД В ИСТОРИИ | THE CITY IN HISTORY

[https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-226-233](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-226-233)

Город Кёнигсберг как фактор становления Канта-философа

Т. Г. Румянцева Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
t.rumyan30@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

И. Кант
Кёнигсберг
культурно-исторический
ландшафт города
городское пространство
дух и идея г. Кёнигсберга
образ Канта-философа

АННОТАЦИЯ

На примере жизни и творчества великого немецкого мыслителя – И. Канта предпринята попытка ответить на вопрос о том, какие факторы оказали существенное влияние на формирование его философских взглядов и даже шире – на становление самого образа Канта как философа. Речь идёт не о влиянии достаточно широко освещённых в литературе философских или же естественно-научных предпосылок его творчества. В первую очередь анализируется особый культурный образ самого города Кёнигсберга – его культурно-исторический ландшафт со всеми конфигурациями, присущими городскому пространству, архитектурой, искусством и т. п. При этом под городским пространством здесь имеются в виду не только, а может быть, и не столько визуальные составляющие, а, скорее, «дух» и / или идея самого этого города, как места, где творятся установки для формирования определённого типа людей; когда формируется и обнаруживается ими в себе особого рода его идентичность и, как результат, – следование сообщаемым этой идентичностью ценностям, целям и социальным практикам. Выявляется, таким образом, роль и значение феномена Кёнигсберга в качестве фактора формирования образа Канта-философа. Опираясь, в том числе, на исторические факты и свидетельства, автор статьи воспроизводит специфику духа старого Кёнигсберга, показано также, как, сформировавшись во многом под влиянием сложившихся здесь установок, Кант сам затем станет для жителей Кёнигсберга духовно-нравственным эталоном и образцом для подражания, а проповедуемые им нравственная автономия личности, достоинство человека, самоценность морали и т. п. надолго войдут в плоть и кровь его сограждан. Показано, что и сегодня социокультурный ландшафт уже Калининграда – второй родины Канта, культурную среду и образ города по-прежнему во многом формирует именно образ Канта-философа, который остаётся своего рода символом города – открытого по сравнению со многими городами России, толерантного ко всему иному и приверженного новому.

Для цитирования:

Румянцева, Т. Г. (2023). Город Кёнигсберг как фактор становления Канта-философа. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 3(2), 226–233. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-226-233](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-226-233)

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках ГПНИ на тему: «Кантовский мирный проект как философско-мировоззренческое обоснование безопасности современного мира», № ГР 20212394, 619/97.

© Румянцева Т. Г., 2023

Königsberg city as a factor in the development of Kant-philosopher

Tatyana Rumyantseva

Belarusian State University, Minsk, Belarus

t.rumyan30@gmail.com

KEYWORDS

I. Kant
Königsberg
cultural and historical landscape of the city
urban space
spirit and idea of Königsberg
image of Kant the philosopher

ABSTRACT

Using the life and work of the great German thinker Immanuel Kant as an example, an attempt was made to answer the question of what factors significantly influenced the formation of his philosophical views and, more broadly, the development of Kant's image as a philosopher. This is not about the influence of the philosophical or natural-scientific premises of his work, which are sufficiently widely covered in literature. First of all, a special cultural image of the city of Königsberg itself is analyzed – its cultural and historical landscape with all the configurations inherent in urban space, architecture, art, etc. In this context, urban space refers not only, and perhaps not so much, to visual components, but rather to the 'spirit' and /or idea of the city itself as a place where attitudes are formed that shape a certain type of people. These attitudes lead to the formation and recognition of a unique identity and, as a result, adherence to the values, goals, and social practices conveyed by this identity. Thus, the role and significance of the Königsberg phenomenon as a factor in shaping Kant's image as a philosopher is revealed. Drawing on historical facts and testimonies, the author of the article reconstructs the spirit of old Königsberg and shows how Kant, largely influenced by the prevailing attitudes in the city, would eventually become a spiritual and moral standard for the people of Königsberg to emulate. The moral autonomy of the individual, human dignity, and the intrinsic value of morality advocated by Kant would long become ingrained in the flesh and blood of his fellow citizens. The article demonstrates that even today, the sociocultural landscape of Kaliningrad – Kant's second homeland – still largely shapes the city's cultural environment and image, primarily through Kant's image as a philosopher. This image serves as a symbol of the city, which is more open compared to many other Russian cities, tolerant of diversity, and committed to embracing the new.

For citation:

Rumyantseva, T. G. (2023). Königsberg city as a factor in the development of Kant-philosopher. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(2), 226–233. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-226-233](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-226-233)

Funding:

The article was prepared within the framework of the State Research Program on the topic: “Kant's Peace Project as a Philosophical and Worldview Justification for the Security of the Modern World”, No. 20212394, 619/97.

На примере жизни и творчества великого немецкого философа И. Канта принята попытка ответить на вопрос, который условно можно обозначить примерно так: Принадлежит ли решающее значение в процессе формирования определённого человеческого типажа, особого образа граждан, включая и знаковых личностей, *городу* со всеми конфигурациями его пространства – архитектурой, искусством, его культурным ландшафтом и т. п.? При этом под городским пространством имеются в виду не только, а может быть, и не столько визуальные составляющие в виде архитектурного ландшафта. Речь скорее идёт об *идее* города, как месте, где творятся установки для формирования определённого типа людей, об обнаружении ими в себе *его* идентичности и следование сообщаемым этой идентичностью ценностям, целям и социальным практикам. Здесь также можно упомянуть формирование и закрепление в исторической памяти людей особого культурного образа этого города.

Или дело всё же обстоит, наоборот. И образ города сам создаётся его *гражданами*, которые и формируют то, что было названо *идеей* города. Чем-то всё это напоминает спор о том, что раньше: курица или яйцо? И так, Кант и Кёнигсберг...

Старый Кёнигсберг как многофакторная система, в которой переплелись его традиции, культурная память, социальные практики, ландшафт, наконец, архитектура, сыграл огромную роль в формировании образа самого известного его гражданина в лице Канта-философа.

О тесной связи творчества Канта с духом его родного города писали многие философы. Арсений Гулыга полагал, что именно «гранитом Кёнигсберга как бы выложены строгие конструкты философа Канта» (Гулыга, 1977, с. 7). По словам Эрнеста Кассирера, «бесконечно важно то значение, которое это (т. е. сам город – *T. P.*) имело для формирования его характера и воли. Кант остался на той почве, на которой он оказался благодаря рождению и внешним обстоятельствам его жизни» (Кассирер, 1997, с. 36). Кёнигсберг был тем городом-контекстом, живя в котором для Канта стало возможным сформулировать и философски воплотить в своих произведениях такое жизненное кредо, как: «имей мужество пользоваться *собственным* умом!» (Кант, 1966, с. 27). То есть, живи своим, а не чужим умом, и, во-вторых, думай!

Что же представлял собой Кёнигсберг во времена Канта (1724–1804)?

Уже при его рождении он считался сравнительно большим городом, хотя в реальности всё ещё был не более, чем собранием маленьких городов. В 1724 г. Фридрих-Вильгельм I объединил три небольших города – Альштадт, Лёбенихт и Кнайпхоф вместе с принадлежащими им свободными поселениями в одну административную общину. В этом плане крайне символично то, что Кант и Кёнигсберг *ровесники!*

Ещё во времена Тридцатилетней войны (1618–1648) здесь, прямо в городской черте, были построены многочисленные бастионы, форты, ворота, башни, ставшие как бы границами для узкогрудых, крытых черепицей домов. Эти небольшие дома с окружающими их многочисленными садами, аллеями, полями и лугами располагались на узких прямых улочках. А между этими улочками во всех направлениях изгибались «как ленточные черви» беспорядочно появлявшиеся всё новые такие же узкие и маленькие улицы. В городе почти не практиковалось удаление мусора и сточных вод, а свиньи, по свидетельствам современников, могли совершенно свободно находиться на улицах вплоть до середины XVIII века. И тем не менее, те же

жители называли свой город городом-мечтой. Писатель и музыкант М. Вик уже в XX в. описывал, какое впечатление производил город Кёнигсберг на ребёнка: «Прямо сказать, детский город-мечта... с величественным замком в центре». Перед замком стоял кайзер – огромный, больше человеческого роста, в короне, с грозно поднятой саблей. В четырёхугольном замковом дворе был погреб с ужасающим названием «Кровавый суд». Совсем неподалёку от замка на очаровательном Замковом пруду, где плавали лебеди и утки, можно было взять лодочку напрокат и покататься. Через реку Прегель вели живописные мосты; разводные мосты, из-за которых мы нередко опаздывали в школу, они вели на остров, расположенный в центре города. «Старинный собор, – пишет дальше М. Вик, – в котором я впервые услышал «Страсти по Матфею», от которых у меня перехватило дыхание, был доминантой острова Кнайпхоф. У стен собора покоится философ Иммануил Кант, слова которого отлиты в металле и укреплены на замковой стене... Многочисленные старые склады, перед которыми постоянно причаливали баржи с новым грузом, извилистые узкие переулки, мощные ворота в крепостных стенах – все они свидетельствовали о древней истории. Благодаря им легко можно было поверить в то, что в этом городе живут и сказки, и легенды...» (Хорст, 2015, с. 91). Вдоль тропы, по которой Кант совершал свои прогулки лежали улицы с причудливыми и поэтическими названиями: Инзель Венедиг или «Остров Венеция», Филозофендамм – философская дамба и др. Это воодушевляло Канта, развивало его богатое воображение.

Даже чуть раньше ещё в XVI в. Кёнигсберг стал прибежищем для всех, кто по разным причинам, чаще всего после религиозных войн в Европе, был вынужден оставить свои земли. Иностранцы пользовались здесь рядом прав. Так, французы, литовцы и поляки имели собственные церкви и школы, а французы – даже собственные суды. Отсюда сложившиеся здесь исторически многокультурность, полиэтничность и поликонфессиональность. Всё это способствовало формированию открытого города и не могло не повлиять на появление в нем именно такого философа, как Кант. Как бы в миниатюре он видел перед собой весь мир и ему не надо было покидать свой город, чтобы узнать, что этот мир собой представляет. Кстати, сам он так писал о Кёнигсберге: «Большой город, центр государства, в котором находятся правительственные учреждения и имеется университет (для культивирования наук), и к тому же город, удобный для морской торговли, который благодаря рекам, протекающим внутри страны, содействует общению как между её внутренними частями, так и прилегающими и отдалёнными странами, где говорят на других языках и где царят иные нравы, – такой город, как Кёнигсберг на Прегеле, можно признать подходящим местом для обогащения знания, и человека, и света. Здесь и без путешествия можно приобрести такое знание» (Кант, 1966, с. 352). В Кёнигсберге сложился паттерн многокультурного очага, в котором было возможно зарождение и существование всего нового, в том числе, по-видимому, и кантовской революции в философии – пресловутого «коперниканского поворота». А Кант был подлинным кёнигсбержцем!

В городе бурно развивались торговля и деловая жизнь, был огромный по тем временам порт, многочисленные корабли приходили со всех концов земли, они оживляли жизнь Кёнигсберга, приносили сюда дух вольности и то, что мы сегодня бы назвали духом космополитизма. Как писал бельгийский историк Анри Пиренн: «Торговля сделала из купца человека, нормальным условием которого была свобода» (Пиренн, 1941, с. 67). А ведь именно кёнигсбержец Кант и станет одним из

провозвестников *свободы* и *космополитизма*, так как он поставит интересы человечества в целом гораздо выше интересов отдельной нации или государства и фактически откроет новую эру в международных отношениях, праве и морали. М. К. Мамардашвили вообще назовёт его «не немецким философом», не в том смысле, что он не мыслил внутри немецкого языка... Он имел в виду, что «во времена Канта ещё не было понятия “нация” и тем более не было национал-философов, т. е. идеологов, которые под барабанный бой своих фраз хотели вести вперед народы, свои, конечно народы» (Мамардашвили, 1992, с. 121). Кант будет отстаивать идею права всемирного гражданства и единства человечества как одной из важнейших «внутренних целей» всемирной истории.

В этом городе немецкая культура встречалась с восточными народностями и население было очень пёстрым не только по национальному происхождению, но и по профессии. Это был город чиновников и художников, учёных и военных, торговцев и ремесленников. Жизнь здесь была тревожной, как в крепости. Собственно, город и задумывался рыцарями-тевтонцами в качестве мощной оборонительной крепости. Его жителям, поэтому, всегда приходилось находиться в состоянии напряжённой боевой готовности. Не баловала горожан и сама природа: строили запруды на ручьях и речках, рыли каналы и целые каналы, чтобы собирать питьевую воду, выращивать рыбу, заводить мельницы, боролись с влажностью почвы, с болотами, у которых приходилось отвоёвывать «сотки» для хозяйства и строительства. Сама жизнь учила *труду, дисциплине и следованию долгу*. А именно эти качества и составили характер Канта и одну из главных идей его философии – следование долгу.

О том, как дух Кёнигсберга, так называемый *spiritus loci* (дух места), оказывал своё воздействие на философа, писал К. Розенкранц, который видел основную черту Кёнигсберга в его универсальности, расположенности к прогрессу и неумолимой разумности. А эта разумность во взаимосвязи с универсальностью и является, как он писал, причиной редкой справедливости суждения. И если поэтому из Кёнигсберга вышла критическая философия, то в этом он видел нечто большее, чем просто случайность. Кантовская критическая философия выросла из кёнигсбергского духа. Сами кёнигсбержцы не случайно говорили, что город Кёнигсберг – это город, который даже сына шорника может сделать великим философом, пусть даже в обмен на возможность простого человеческого счастья.

Яркие описания о тогдашнем городе Кёнигсберге нам оставили известные русские авторы. Так, Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» писал о ландшафтах города, реке Преголя, замке прусских королей, «построенном на возвышении», о цейхгаузе и библиотеке, о садах, кёнигсбергском соборе, напоминающем о былых веках варварства и героизма. Упомянул он и о его коммерции, многолюдстве, нарядных толпах, пьющих кофе и чай, о многочисленном гарнизоне, льющихся из сада «ароматических испарениях свежей зелени». Будучи в городе, он три часа беседовал с Кантом, которого он назвал «славным», «глубокомысленным» и «тонким Метафизиком», «маленьким, худеньким старичком, отменно белым и нежным». Он даже писал, что Кёнигсберг выстроен едва ли не лучше Москвы (Карамзин, 1984, сс. 66–69, 72–81).

Кстати, посетивший ещё до рождения Канта шесть раз этот город, Пётр I, как это описал на основе изучения архивных документов Алексей Толстой в романе «Пётр I», якобы сказал: «А что, Алексашка (обращаясь к Меньшикову), заведём

когда-нибудь у себя такую жизнь? Не знаю, мин херц, – не скоро, пожалуй... – Милая жизнь... Слышь, и собаки здесь лают без ярости... Парадиз... Вспомню Москву, – так бы сжёг её... – Хлев, это верно. – Сидят на старине, – ж...па сгнила... Землю за тысячу лет пахать не научились. К Балтийскому морю нам надо пробиваться, вот что... И там бы город построить новый – истинный парадиз...» (Якшина, 1910, с. 10). Что касается архитектуры, то тот же Толстой пишет, что именно первому визиту Петра в Кёнигсберг, мир обязан появлению... Санкт-Петербурга!

Карамзин отметил и то, что Кёнигсберг этот город «памяти чудесного изменения народов – город на границе, на стыке двух различных и, возможно, «разноприродных цивилизаций», первый и последний для русского западный город при не всегда радостном возвращении в Россию.

Всё выше отмеченное во многом свидетельствует о конгениальности идеи города, его духа и образа мыслей с духом его самого известного жителя. Однако, возвращаясь к спору о курице и яйце, скажу, что и сам Кант, будучи истинным кёнигсбержцем, философски воплотившим в своих трудах дух Кёнигсберга, затем сумел оказать огромное влияние на последующую историю этого города и на формирование его культурного образа и духа. Так, уже в XX в. немецкий писатель М. Фюрст, упоминая о памятной доске с цитатой Канта, укреплённой на стене Кёнигсбергского замка и его знаменитых словах о звёздном небе и моральном законе, писал, что каждому школьнику Кёнигсберга пришлось хотя бы раз переписать эту цитату слово в слово, и вряд ли эти слова не оставили след в их душах.

Иммануил Кант станет для Кёнигсберга истиной в последней инстанции, особенно, когда речь будет заходить о вопросах нравственности и хорошего поведения. Проповедуемые им нравственная автономия личности, достоинство человека, как цели в себе, самоценность морали, совместимость научного детерминизма с признанием свободы человека – всё это войдёт в плоть и кровь кёнигсбержцев. Их добродетелями станут вежливость и скромность, чувство долга и верности ему, честность, умение довольствоваться малым, прилежание, усердие в работе и уважение начальства. Прямо по Канту: «Жить *честно*, ни с кем не поступать *несправедливо*, быть *умеренным* в наслаждении, терпеливым в болезни...» (Кант, 1966, с. 327). Это не случайно, ведь цель философии он видел в том, чтобы научить человека «каким надо быть, чтобы быть человеком».

Мысль и сам образ Канта в течение ряда веков во многом содействовали формированию культурного слоя и образа города Кёнигсберга. И этот образ далеко выходил за пределы только религиозных или нравственных ограничений и предписаний.

Кстати, и сегодня, особенно начиная с перестроечных лет, социокультурный ландшафт уже Калининграда – второй родины Канта, его культурную среду и образ города по-прежнему во многом формирует именно Кант. Он остаётся своего рода символом города – открытого по сравнению со многими городами России, толерантного ко всему иному и приверженного новому. Дело не только в том, что это портовый город, что очень близко расположены страны Балтии, что пусть не официально, но сохраняется память о старом Кёнигсберге, который тоже стал важной составляющей в ментальности культурной элиты. Знание о том, что в этом городе жил и творил великий Кант также занимает существенное место в числе конфигураций городской среды современного Калининграда. Кант здесь везде: на острове, где его могила и его музей, его памятники в самом городе, университет им. Канта,

многочисленные сувениры, и, конечно же его книги, идеи, наставления, ежегодные празднования его дня рождения, посвящённые ему лекции и концерты в стенах собора, конференции... без Канта представить образ даже второй его родины, сегодня немислимо.

Таким образом, отвечая на примере жизни и творчества Канта, на вопрос о том, кому (или чему) принадлежит решающее значение в процессе формирования определённого человеческого типажа и образа граждан, особенно когда речь заходит о выдающихся личностях, – городу со всеми конфигурациями его пространства как месту, где творятся установки для формирования определённого типа людей, или же эти знаковые граждане сами оказывают решающее влияние на формирование его культурного образа, мы пришли к следующему выводу. По крайней мере, в случае с Кантом мы можем смело утверждать, что, сформировавшись под влиянием духа своего города, этот человек сам станет затем для Кёнигсберга эталоном в вопросах нравственности и должного образа жизни и поведения, а проповедуемые его философией нравственные императивы на долгие годы войдут в плоть и кровь его сограждан-кёнигсбержцев.

Библиография

- Гулыга, А. В. (1977). Кант. Молодая гвардия.
- Кант, И. (1966). Антропология с прагматической точки зрения. В И. Кант, *Сочинения в шести томах*. Т. 6. (сс. 349–589). Мысль.
- Кант, И. (1966). Ответ на вопрос: что такое просвещение? В И. Кант, *Сочинения в шести томах*. Т. 6. (сс. 25–37). Мысль.
- Кант, И. (1966). Спор факультетов. В И. Кант, *Сочинения в шести томах*. Т. 6. (сс. 311–349). Мысль.
- Карамзин, Н. М. (1966). *Сочинения: в двух томах. Том 1*. Советский писатель.
- Кассирер, Э. (1977). *Жизнь и учение Канта*. Университетская книга.
- Мамардашвили, М. К. (1992). Кантианские вариации. *Квинтэссенция: Философский альманах*, 120–158.
- Пиренн, А. (1941). *Средневековые города и возрождение торговли*. Горьковский педагогический институт.
- Хорст, Г. (2015). Ханна Арендт и Кёнигсберг. В А. Н. Саликов & И. О. Дементьев (ред.), *Современное значение идей Ханны Арендт: материалы международной конференции*. (сс. 86–103). Изд-во БФУ им. И. Канта.
- Якшина, Д. В. (2010). *Прогулки по Кёнигсбергу*. Живём.

References

- Gulyga, A. V. (1977). *Kant. Molodaya gvardiya*. (In Russian).
- Kant, I. (1966). Anthropology from a pragmatic perspective. In I. Kant, *Writings in 6 Volumes*. Vol. 6. (pp. 349–589). Mysl'. (In Russian).
- Kant, I. (1966). An answer to the question: “What is enlightenment?” In I. Kant, *Writings in 6 Volumes*. Vol. 6. (pp. 25–37). Mysl'. (In Russian).
- Kant, I. (1966). Dispute of faculties. In I. Kant, *Writings in 6 Volumes*. Vol. 6. (pp. 311–349). Mysl'. (In Russian).
- Karamzin, N. M. (1966). *Writings in 2 Volumes. Vol. 1*. Sovetskii pisatel'. (In Russian).
- Kassirer, E. (1977). *The life and teachings of Kant*. Universitetskaja kniga. (In Russian).

- Mamardashvili, M. K. (1992). Kantian variations. *Quintessence: Philosophical Almanac*. (pp. 120–158). Politizdat. (In Russian).
- Pirenn, A. (1941). *Medieval towns and the revival of commerce*. Gor'kovskii pedagogicheskii institut. (In Russian).
- Horst, G. (2015). Hannah Arendt and Königsberg. In A. N. Salikov & I. O. Dementiev (Eds.), *The Modern Meaning of Hannah Arendt's Ideas: Materials from an International Conference*. Izd-vo BFU im. I. Kanta. (In Russian).
- Yakshina, D. V. (2010). *Walks in Königsberg*. Zhivem. (In Russian).

Информация об авторе

Татьяна Герардовна Румянцева
доктор философских наук, профессор
профессор кафедры философии культуры
Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, Минск, пр-т Независимости, 4
ORCID: 0000-0002-8035-4065
e-mail: t.rumyan30@gmail.com

Information about the author

Tatyana G. Rumyantseva
Dr. Sci. (Philosophy), Professor
Professor of the Philosophy of Culture Department
Belarusian State University
4, Independence Avenue, Minsk, 220030, Belarus
ORCID: 0000-0002-8035-4065
e-mail: t.rumyan30@gmail.com

Материал поступил в редакцию / Received 06.08.2023
Принят к публикации / Accepted 27.11.2023